

М. О. Габель

«Филиппо Стродзи» И. С. Тургенева

(К вопросу об идейных позициях писателя в 1847 г.)

Есть еще произведения Тургенева, не привлекавшие должного внимания исследователей. Такая участь постигла отрывок из неоконченной его поэмы «Филиппо Стродзи» (1847 г.).

Небезынтересна цензурная история этого произведения. В 1847 г. его пытался опубликовать в «Современнике» Некрасов, однако цензура, по-видимому, не дала на это разрешения. Найденная в бумагах Тургенева после его смерти поэма была напечатана в сборнике «XXV лет. 1859—1884», изданном Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Спб., 1884). Но перед его появлением в свет произошел весьма характерный для цензуры XIX ст. эпизод¹.

Цензора Воронича насторожило стихотворение Тургенева, потому что в нем восхваляется цареубийство. Он не счел возможным разрешить его к печати не только из-за этой темы, но особенно в связи с еще свежим в памяти убийством Александра II. Однако цензурный комитет не согласился с мнением Воронича и дал иное заключение: стихотворение Тургенева воспроизводит общеизвестный факт из истории Флоренции конца XV и начала XVI ст. и никак не может быть связано с событиями 1881 г. Однако у читателя 80-х годов легко могли возникнуть ассоциации с современным ему революционным движением, и образ тираноборца Филиппо Стродзи неизбежно воспринимался как намек на народовольцев-террористов.

В I томе академического издания сочинений Тургенева (1960) дан исторический комментарий к «Филиппо Стродзи», несколько расширенный сравнительно с примечаниями Б. М. Эйхенбаума в XI томе сочинений Тургенева (1934) и в X томе сочинений последующего издания (1956). Вот, собственно говоря, и все, что написано о «Филиппо Стродзи». В работах, характеризующих творческий путь Тургенева, это произведение обычно не упоминается². Между тем, «Филиппо Стродзи» дополняет наши представления об авторе и его политичес-

¹ А. Николаев. Цензурная история поэмы Тургенева «Филиппо Стродзи» См. в кн.: Централхив. Документы по истории литературы и общественности, Вып. 2 И. С. Тургенев, М.—Пг., 1923, стр. 104—106.

² Исключение составляет книга С. М. Петров. И. С. Тургенев. Творческий путь, М., 1961, стр. 62.

ких воззрениях, дает интересный материал об отношении писателя к романтизму.

В творчестве Тургенева 40-х годов это стихотворение — единственное известное нам очень резкое выступление против деспотизма, против самодержавия вообще и против «тирана в ботфортах», «рассвирепелого деспота Зимнего дворца», как называл Николая I Герцен, — в частности. Передовой читатель 40-х годов должен был естественно сделать такое сопоставление. Николай I жестоко расправился с тиранборцами-декабристами, предал забвению и их имена и дела «Цари друг другу все сродни», — делает Тургенев обобщающее замечание.

Такой подтекст был и в одном незавершенном рассказе из «Записок охотника» того же 1847 г. — «Русский немец и реформатор». По словам Тургенева, один из его персонажей вышел «до того паразитически похож на Николая Павловича, что нечего было и думать печатать, цензура ни за что бы не пропустила»³.

Тургенев в 40-е годы был по убеждениям республиканцем. В автобиографическом рассказе 1874 г. «Пунин и Бабурин», написанном по воспоминаниям юных лет, герой говорит: «Со времени моего поступления в университет, я стал республиканцем не хуже самого Бабурина. О Мирабо и Робеспьере я поговорил бы с наслаждением. Да что Робеспьер!.. У меня над письменным столом висели литографированные портреты Фукиэ-Тенвилля и Шалиэ»⁴ (то есть портреты сторонников революционного террора и казни короля). Нет оснований предполагать, что в годы идейной близости с Белинским Тургенев изменил своим юношеским республиканским взглядам. Историческое событие из политической жизни Италии первой трети XVI ст. привлекло внимание писателя злободневностью и политической актуальностью.

Герой поэмы — «честный гражданин». Это «государственный муж», который вел борьбу лишь за правое дело; он любил родину и свободу, «в рабстве жить не мог и не хотел» (I, 432) и восстал против Александра Медичи, нагло попиравшего законы и поддерживаемого «силой царственного тестя» (I, 433), Карла V. Филиппо освободил родную землю от тирана, но вместо него правителем стал Козьма. Он заключил Филиппо в тюрьму, подверг пыткам, готовил ему жестокую казнь. Филиппо не только борец с деспотизмом; он восстает и против бога, допускающего на земле несправедливость.

Измученный пытками, окровавленный,
Молиться захотел он, возмутилось
В нем чувство справедливости... безмолвно
Израненные, скованные руки
Он поднял, показал их молча небу,

И без негодованья, с бесконечной
Печалью произнес он: где же правда?
И ропотом угрюмым отозвался
Филиппу низкий свод его тюрьмы
(I, 434).

У Филиппо Стрэдзи, «врага тиранов», отвергающего бога, нет контакта с «толпой». У нее свои «немые, тяжкие страданья», «негерпеливые волнения» и «победы громкие» (I, 435). Однако она равнодушна к подвигу отдельного героя, не сливается с ним в едином порыве. В таком понимании конфликта «героя и толпы» Тургенев отходит от типично-романтической трактовки этой темы, когда герой поднят над пошлой, бездушной «толпой», бросает ей вызов, борется с нею. Уже в стихотворении «Толпа» (1843 г.) у Тургенева явно намечилось «неромантическое» отношение к «толпе»; она живет по своим собственным

³ Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. Тургеневский сборник. Пг., 1915, стр. 84. Сохранившийся неоконченный текст этого рассказа опубликован в «Литературном наследстве», т. 73, кн. I, 1964, стр. 25—38.

⁴ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах М—Л, 1960, т. XI, стр. 187—188. Ссылки на это издание — в тексте (том, страница)

законам и ей чужды сграданья отдельной личности. Тургенев признает власть и силу «толпы».

И права ты толпа! Ты велика,
Ты широка — ты глубока, как море...
В твоих волнах все тонет и тоска
Нелепая, и истинное горе
И ты сильна... (I, 25),

хотя сам еще не может с нею слиться.

Так происходит и с Филиппо. Л. Н. Назарова справедливо отметила, что стихотворение «Филиппо Стродзи» «связано с гражданскими темами и настроениями Тургенева, которые отражены в поэме «Разговор» и в новогоднем стихотворении «Исповедь» (I, 618). Действительно, «Филиппо Стродзи» возвращает нас к проблеме борьбы, затронутой в этих произведениях, однако Тургенев трактует ее сейчас намного шире, намечая напрашивающийся сам собою вывод, что без поддержки «толпы герой-борец не сможет победить тиранию.

Хотя в отрывке «Филиппо Стродзи» ясно чувствуются традиции революционно-романтического стиля (поэтическая фразеология—*честный гражданин, древний римлянин, неблагодарная толпа, свобода, рабство, грозный притеснитель*), тем не менее, гораздо характернее тенденция автора преодолеть романтическую трактовку образа борца. В портрете Филиппо нет романтической таинственности, недоговоренности, загадочности героев «Разговора». Отрывку чужды романтическая приподнятость, патетика, символика. Находившийся в тюрьме Филиппо не производит взволнованной исповеди, не изливает своих переживаний в повышенно-эмоциональной форме, как это свойственно романтическим героям. У него обыкновенные человеческие движения, чувства. Измученный «тяжкой пыткой», он сидит у окна и про себя («втайне») радуется, что никого не выдал. Он вспоминает любимую жену, детей, «полезные дела и всю простую, праведную жизнь». «Сомненье, невыразимо горькое», наполняет его душу; поколеблена вера в торжество справедливого дела: «Он поднял к небу руки в цепях и спросил: «Где же правда?» Образ Филиппо более реалистичен, чем образы Старика и Молодого человека из «Разговора».

В отрывке проступает стремление к исторической точности: определены место и время жизни Стродзи — Флоренция первой половины XVI ст., «когда монах немецкий против папы смело восставал» (I, 432). Убийство Алессандро «рукою Лоренцина» (I, 433) в 1537 г. повлекло за собою жестокую расправу со стороны Козимо Медичи с противниками, в том числе и с Филиппо; названы подлинные исторические деятели (Алессандро Медичи, Козимо Медичи, Карл V). Правдоподобно объяснено, почему Филиппо был побежден Козьмою: «Полководцем не был он искусным» (I, 433).

Преодоление в «Филиппо Стродзи» революционно-романтических традиций, еще столь заметных в поэме «Разговор», неслучайно. Формирование молодого писателя шло сложным путем: с одной стороны, он вел сознательную борьбу с эпигонским, реакционным романтизмом, с другой — творчески осваивал художественный опыт Пушкина и Лермонтова, развивая их достижения в области романтизма, и реализма. «Филиппо Стродзи» ярко отражает творческие искания Тургенева 40-х годов, его стремление к овладению реалистическим искусством слова, в котором синтезируются метод критического изображения действительности, характерный для «натуральной школы», с некоторыми художественными открытиями прогрессивного романтизма этой эпохи.

В 1846 г. Тургенев решительно выступил против искажающей историческую правду романтической драматургии в статьях о трагедиях

С. А. Гедеонова — «Смерть Ляпунова» и Н. Кукольника — «Генерал-поручик Паткуль». Естественной была попытка Тургенева решить историческую тему при помощи новых художественных — реалистических — средств.

Однако интересно не только это. «Филиппо Стродзи» «вписывается» в идейно-политическую систему воззрений Тургенева 1846—1847 гг., когда его дружба с Белинским достигает апогея, когда Тургенев выступает как его идейный союзник, писатель «натуральной школы», борющийся художественным словом с крепостным правом, как критик, защищающий те же эстетические принципы. В «Филиппо Стродзи» в художественной форме подняты вопросы, которые служат предметом обсуждения и в публицистических «Письмах из Берлина» (1847). То, что Тургенев не может здесь сказать по цензурным соображениям, он открыто излагает в письмах к П. Виардо, написанных за границей.

«Письма из Берлина» и письма к П. Виардо 1847 г. помогают понять, насколько органичен для Тургенева образ тираноборца, усомнившегося в существовании бога. Не давая всестороннего анализа «Писем из Берлина»⁵, остановимся лишь на характеристике философской мысли Германии, сделанной Тургеневым. Им произнесена здесь «отходная» немецкому философскому идеализму Шеллинга и Гегеля, то есть тому философскому течению, которое в 30-е годы влекло русских идеалистов в Германию. Однако буржуазная Германия с ее идеалистической наукой, с ее философским духом не заслонила в глазах Тургенева другой Германии — передовой и демократической. В «Письмах из Берлина» он противопоставляет Фейербаха гегельянкам. Еще определеннее высказывается он о Фейербахе в письме к П. Виардо от 8 декабря 1847 г.: «Среди всех, кто пописывает теперь в Германии, Фейербах единственный человек, единственный характер и единственный талант». Вслед за Фейербахом Тургенев говорит, что идея божества и образ бога — плод мысли и воображения человека («А это божество — оно само создание его рук»), и заканчивает атеистические размышления резкой и решительной декларацией полного сочувствия человеку-созидателю и человеку-борцу: «Я предпочитаю Прометея, Сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» (Письма, I, 449). В этих словах заложен определенный революционный смысл. Тургенев отвергает религию. Только протестующий человек, полагающийся лишь на собственные силы и разум, может достичь цели в борьбе.

Постановка тираноборческой темы объясняется и тем, что Тургенев был уже тогда убежденным сторонником демократии. Он сочувствует демократическому движению в Германии накануне революции 1848 г. В стихотворении 1847 г., посвященном К. А. Фарнгагену фон Энзе, Тургенев высказывает уверенность, что придет время, когда подлинная дружба объединит русский и немецкий народы.

Что чуждый немцу с колыбели
Через один короткий век
Сойдется с ним у той же цели,
Как с братом — русский человек.

Всему, чем ваша грудь согрета —
Всему сочувствуем и мы;
И мы желаем мира, света,
Не разрушенья и не тьмы (I, 347).

Как указывает М. Клеман в примечаниях к этому стихотворению, оно было «ответом на упреки, раздававшиеся по адресу России в среде немецких либералов»⁶, и нужно добавить, не только в среде

⁵ См. детальный «Комментарий» к «Письмам из Берлина» в I томе Полного собрания сочинений И. С. Тургенева, стр. 585—592.

⁶ И. С. Тургенев. Соч., М., 1934, т. XI, стр. 631.

либералов, но и в среде прогрессивных и революционных деятелей. Вызваны они были такими обстоятельствами: прогрессивная Германия в конце 1846 — начале 1847 гг. находилась в состоянии предреволюционного подъема; она возлагала надежды на установление конституционного образа правления в Пруссии. Проведение этой реформы вызывало энергичный отпор со стороны германских реакционеров и «европейского жандарма» Николая I. И Тургенев в стихотворении, обращенном к Фарнгагену фон Энзе, заявил о «солидарности с конституционными стремлениями немецких либералов», как подчеркивает М. Клеман.

Уместно добавить, что в 1849 г. Тургенев с большим сочувствием относился к борьбе революционной Венгрии. Когда Николай I по просьбе австрийского правительства предпринял вооруженную интервенцию против восставших венгров, взволнованный Тургенев писал: «русские разбили Дембинского (польского повстанца 1830—1831 гг., принимавшего участие в венгерской революции. — М. Г.). К черту всякое национальное чувство! Для человека с сердцем есть только одно отечество — демократия, а если русские победят, ей будет нанесен смертельный удар» (Письма, I, 322). Тургенев навсегда сохранил горячее сочувствие к национально-освободительному движению, в частности, к борьбе болгарского и итальянского народов против турок и австрийцев.

Поставленный в «Филиппо Стродзи» вопрос о народе и его участии в революции, о поддержке народом героев-борцов снова возникает перед Тургеневым после прочтения «Истории французской революции» Мишле. Писателю особенно понравился ее второй том. «Вот еще хороший, отличный труд, и, слава богу, не литературный [...]. Это идет от сердца, тут есть и кровь, и внутренний жар; тут человек из народа обращается к народу, — это прекрасный ум и благородное сердце» (Письма, I, 445).

Восторженная оценка книги Мишле, сделанная Тургеневым, совпадает с замечанием о ней Белинского. Сообщая П. В. Анненкову 17 сентября 1847 г. о положении в Пруссии, где штенды требовали конституции, а «король распустил их, с полным к ним презрением, и теперь держит себя восторжествовавшим деспотом», Белинский объясняет: «оттого, что в народе есть потребность на картофель, но на конституцию ни малейшей; ее желают образованные городские сословия, которые ничего не могут сделать... Знаете ли что, Анненков: это грустно, а похоже на дело, особенно по прочтении I-го тома истории Мишле, где показано, кто во Франции-то сделал революцию»⁷.

Представляя для своего времени значительное явление в историографии французской буржуазной революции, «История французской революции» Мишле, выходящая в 1847—1853 гг., написана с идеалистических позиций. Справедливо придавая решающую роль в революции народу, мелкобуржуазный демократ Мишле не отдавал себе ясного отчета, в чем, собственно, заключалась роль народа в революции 1789 г., не понимал борьбы классов. Для нас важно не то, разобрался ли Тургенев в методологических позициях Мишле, а существует ли сама постановка им вопроса о роли народных масс в революции. Участь декабристов, пытавшихся без их поддержки совершить политический переворот, заставляла думать над этим вопросом и Белинского, и Тургенева.

Итак, политические настроения Тургенева в 1847 г., отраженные в «Филиппо Стродзи», в переписке выражены еще определеннее.

⁷ В. Г. Белинский Полн. собр. соч., т. XII, 1956, стр. 402

В Европе поднималась и росла революционная волна 1848 г., захлестнувшая Францию, Германию, Австрию, Венгрию, Италию. В России события 1848 г. нашли горячий отклик не только в среде передовой интеллигенции, но и среди крестьянства. В условиях такого политического подъема Тургенев, чуткий к общественным явлениям, создает «Филиппо Стродзи» — произведение большого общественно-политического значения.

Кафедра русской литературы Харьковского университета
